

«МЕСТО ПИСАНИЯ ТЕЛА» В СТРУКТУРЕ БЫТИЯ

Аннотация. Обращаясь к корпусу текстов Рене Декарта, статья рассматривает проблему экспозиции тела в структуре бытия. Сопоставляя понятия протяженности и тела, автор ставит своей целью анализ пространственной модели восприятия телесности в картезианстве. При этом сама пространственность тела трактуется здесь онтологически, как «развертывание его телесного бытия». В картезианстве тело вписано в структуру бытия, и именно поэтому онтология тела здесь, как отмечает Жан-Люк Нанси, «является онтологией в собственном смысле». В целом следуя топологическому методу описания телесности, безусловно доминирующему в текстах Декарта, автор в то же время совмещает его с феноменологической линией анализа Мерло-Понти. Действительно, Декарт анализирует тело исключительно пространственно, но неверно было бы считать, что пространство детерминирует собой тело. Скорее, само тело в картезианстве есть купирование, отчуждение пространства. Именно в этом отчужденном пространстве Декарт развертывает «машину нашего тела», то есть тело в своей буквальности, конкретное и функциональное. Автор статьи также приходит к выводу, что дедуктивный метод Декарта берет свое начало в анатомических практиках: анатомия не занимается целым и сплошным телом, но телом, поделённым на части, что позволяет исследователю определить составные элементы его общей механики.

Ключевые слова: Рене Декарт, картезианство, Жан-Люк Нанси, тело, онтология, бытие, пространство, протяженность, тело-машина, Морис Мерло-Понти.

В трактате «Первоначала философии» Рене Декарт пишет, что «природа материи, или тела, рассматриваемого вообще, состоит не в том, что оно вещь твердая, весомая, окрашенная или каким-либо иным образом действующая на наши чувства, но лишь в том, что оно — субстанция, протяженная в длину, ширину и глубину»¹. Человеческое тело есть лишь одно из многих в череде прочих материальных тел, и, подобно им, оно «протяженно в длину, ширину и глубину». В другом месте («Размышления о первой философии») он дает более развернутое определение: «Под телом я разумею все то, что может быть ограничено некими очертаниями и местом и так заполняет пространство, что исключает присутствие в этом пространстве любого другого тела»². Мы видим, что тело прочитывается Декартом исключительно пространственно. Именно простран-

ство выступает экспозицией тела, то есть тем, что его предъявляет в качестве места присутствия или присутственного места. Мерло-Понти по этому поводу пишет, что «быть телом — значит, как мы видели, быть привязанным к определенному миру, и изначально наше тело не в пространстве: оно принадлежит пространству»³. Проблема заключается в том, что и сейчас, спустя более трех с половиной веков после Декарта, мы по-прежнему еще бесконечно далеки от того, чтобы понять весь смысл этой пространственной принадлежности нашего тела. «Пространственность тела есть развертывание его телесного бытия, тот способ, каким оно осуществляется как тело»⁴. Пространство выражает способность тела к развертыванию, это некая интенция тела.

Впрочем, неверно было бы думать, что в картезианстве пространство детерминирует собой тело, скорее, оно сливается с самим бытием тела в едином акте существования. Конечно, не может быть тела вне пространства, но точно также как

¹ Декарт Р. Первоначала философии // Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 350.

² Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 22.

³ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 198.

⁴ Там же. С. 199.

не может быть и пустого пространства, лишённого тела: «Что же касается пустого пространства в том смысле, в каком философы понимают это слово, т.е. такого пространства, где нет никакой субстанции, то очевидно, что в универсуме нет пространства, которое было бы таковым, потому что протяжение пространства или внутреннего места не отличается от протяжения тела»⁵. На страницах «Первоначал философии» Декарт отмечает, «что одно и то же протяжение составляет природу как тела, так и пространства»⁶, а значит, пространство экспонирует собой тело в той же степени, что тело — пространство. Это значит также, что тело не просто занимает некое место, но становится самим местом, и «причина этому та, что сами названия “место” и “пространство” не обозначают ничего действительно отличного от тела, про которое говорят, что оно “занимает место”; ими обозначается лишь его величина, фигура и положение среди других тел»⁷. Иначе говоря, тело в картезианстве и есть место («тело-место» Нанси), что вовсе не означает, что тело имеет место (как если бы можно было иметь место без бытования в-месте), напротив, — тело, заполняя собой пространство, изымает место: «Контур моего тела — это некая граница, которую обыкновенные пространственные отношения не пересекают»⁸. И если Декарт и пишет о том, что «тело заполняет собой пространство» и «удерживает место», то сам смысл этого «заполнения» и «удержания» вовсе не в сохранении, но, напротив, в изымании и изъятии, подобно тому, как удерживают пени или процент с суммы. Имеет место акт изъятия, нечто отрицательное, квалифицирующее себя в качестве изымательного.

Само тело есть изъятие, купирование, отчуждение пространства. В письме к Антуану Арно от 29 июля 1648 года Декарт отмечает, что «протя-

женность, составляющая природу тела, весьма отличается от различных фигур, или модусов протяженности, в которые она облекается»⁹. «Весьма отличается», то есть, фактически, «протяженность, составляющая природу тела», есть нечто совершенно иное, нежели модус протяженности его обличия. Тело меняется: оно принимает разные формы, оно изменяет свой вид — тело, любое тело, трагически по своей природе. Тело подвержено гниению, тело подвержено скверне, его можно распять или придать огню, с тела можно содрать кожу, выставив на обозрение нутро, или, напротив, лишить части нутра, оставив кожу ни с чем, лишь с движением ветра: «оно [тело человека] изменяется хотя бы уже потому, что подвержены изменению формы некоторых его частей. Из этого следует, что тело весьма легко погибает». Но вместе с этим, «тело, взятое в своем родовом значении, есть субстанция и потому никогда не гибнет»¹⁰.

В своем «родовом значении» тело человека подобно любому другому телу, скажем, воску, к примеру которого, Декарт обращается в «Размышлениях о первой философии». Куску воска, лишь недавно извлеченному из пчелиных сот, присущи множество свойств: немного приторный запах меда с едва уловимым ароматом цветов, с которых был собран нектар; мутно-желтый цвет, определенность формы и фактуры и проч. Но как только мы подносим его к огню, тот час же наблюдаем утрату им своих прежних качеств: он теряет запах, искажает форму, меняет цвет, становится податливым при лепке, обжигает руки и тому подобное. Иначе говоря, все, что мы воспринимали прежде посредством органов чувств изменилось настолько, что не может быть узвано. Однако мы продолжаем утверждать: перед нами воск. Парадоксальным образом, в отсутствии воска, «остался только воск». Точно также как в отсутствии тела, остается только тело. И если отбросить все, «что не имеет отношения к воску» и посмотреть, «что остается», то мы увидим: «не остается ничего, кроме некоей протяженности, гибкости и изменчивости»¹¹.

⁵ Декарт Р. Первоначала философии // Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 356.

⁶ Там же. С. 353.

⁷ Там же. С. 354. Интересно отметить, что страницей далее Декарт проводит различие уже непосредственно между категориями «место» и «пространство»: «“Место” и “пространство” различаются по названию, ибо «место» точнее обозначает положение тела, нежели его величину и фигуру, тогда как, напротив, мы думаем скорее о последних, когда говорим о “пространстве”» (Там же. С. 355). В своей работе, оперируя данными понятиями, мы старались удерживать различие, проводимое, — без лишней строгости, — Декартом.

⁸ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 137.

⁹ Декарт Р. Из переписки 1643–1649 гг. // Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 565.

¹⁰ Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 13.

¹¹ Там же. С. 25–26.

Важно помнить, тело у Декарта вовсе не стремится занять место, скорее, оно предпочитает быть местом безместности (это слово, которого нет в словаре, и быть не может, поскольку оно буквально без-места, оно безвестно и безмолвно — оно перечеркивает, стирает, вымывает, выскабливает место, оставляя пространство ни с чем) — местом уклончивым и скрытым, местом, открывающим себя существованию: «тело дает место такому существованию, сущность которого заключается в том, чтобы не иметь никакой сущности. Именно поэтому онтология тела является онтологией в собственном смысле: бытие здесь не предшествует явлению и не подлежит ему. Тело есть бытие существования»¹².

Тело должно быть местом, не населяя его, своего рода полым местом, чье нутро пусто и открыто (подобно «телу-без-органов» Делёза и Гваттари) или же вывернуто наизнанку, «у него нет ни внешнего, ни внутреннего, нет у него ни частей, ни целого, ни функций, ни целесообразности»¹³. Но Декарта интересует протяженность тела, то есть, скорее, протяженность вместо тела, протяженность как купирование тела. Купирование у Декарта значит одновременно быть в-месте и не быть там; быть где-то еще, но оставаться в-месте, быть преданным ему. Как будто место превращается в предание, а предание обретает место памяти. Это значит также уступать свое тело месту и самой беспечностью этой уступки делать его открытым мышлению — вот то нарушения дуальности, о котором говорит Нанси, читая Декарта. Декарт прекрасно осознавал, что мыслить тело должно лишь там, «где мысль касается стойкой чужеродности этого тела, его немыслящего и немыслимого внешнего. Только такое касание, такое прикосновение, есть условие настоящего мышления»¹⁴. Мыслить тело, касаясь его «немыслимого внешнего», его «стойкой чужеродности». Мыслить тело прикосновением, которое не чувствует себя, оставляя поверхность нетронутой и неповрежденной — неприкосновенной. Мыслить тело, «которого у нас нет и которым мы не являемся, но куда выписывается бытие»¹⁵. Тело как место писания бытия, — то, что Жан-Люк Нанси на своем языке называет «пространствлением».

Картезианство обнаруживает совершенно поразительное, — мы могли бы даже сказать навязчивое, — всеприсутствие тела. Но при этом, раз за разом, у нас возникает ощущение какой-то нехватки; ощущение, что тело где-то не здесь, что нас обвели вокруг пальца, оставив ни с чем. Тело ускользает от нас при каждом приближении, при каждом рыхлом шаге. Здесь мало двигаться украдкой, скрывать ритмичный шум биения клавиш (а вслед им — сердца). С каждым шагом/словом мы оказываемся все дальше, уже едва различая в смятой линии горизонта мысли контуры прежней земли. Приближение удаляет. Быть может, Нанси прав: необходимо «писать не о теле, но само тело. Не телесность, но тело. Не знаки, не образы, не шифры тела, но опять-таки тело. ... Действительно, приходит время писать и мыслить тело в той бесконечной отдаленности, которая и делает его нашим, которая приводит его к нам из области более далекой, чем область наших мыслей»¹⁶.

Не только писать тело, но также и писать на теле, отдавая его во власть все новых шрифтов и линий. Демография на службе у дермографии, поставляя все новый и новый материал, сотни метров кожи всех цветов и фактур, нескончаемая вереница кожных отрезков на любой вкус, как в известном случае с доктором Фрейдом: «Четыре врача, среди них профессор Фрейд, наблюдали его [дермографизм] со всей точностью. Последний описал его в своем заключении следующим образом: “Если провести пальцем или тупым инструментом по коже на груди и спине, то сначала из-за контракции сосудов образуются бледные участки, которые затем скоро интенсивно краснеют и на несколько минут остаются сильно гиперемичными. Таким образом, на коже можно “писать” пальцем или деревянным стилусом»¹⁷. Мы только и делаем, что пишем на коже, оставляем там множество меток: от случайно царапины до раны, покрытой рубцом, от укуса страсти до отметины боли. Мы отмечаем приход лета, отдавая кожу солнцу, и вместе с ним меняем цвет на коричнево-желтый. Мы множим подписи времени, собирая складки на коже, превращая кожу в иссохший пергамент. Мы пишем на коже, не отдавая в том себе отчета; мы составляем реестры, все более полные списки, проводим череду линий

¹² Нанси Ж.-Л. *Corpus*. М., 1999. С. 38.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 39.

¹⁵ Там же. С. 43.

¹⁶ Там же. С. 31, 34.

¹⁷ Задгер И. Эротика кожных и слизистых покровов и мышечной системы // Психология и психопатология кожи: тексты. Ижевск, М., 2011. С. 20.

от ладони к запястью и далее, обернув всю руку, выводим к сердцу — оставляем линию жизни там, где ей с большой вероятностью предстоит встретить смерть. Этот путь прочерчен нами; и нечего гадать на ладони, когда открыто сердце. Сердце — вот, что дает краски, и это прекрасно видел Декарт. Он пишет об этом в работе «Страсти души»: «Совершенно ясно, что цвет лица связан только с движением крови, которая, протекая непрерывно из сердца через артерии во все вены и из всех вен в сердце, окрашивает лицо в большей или меньшей степени в зависимости от того, как она наполняет маленькие вены, находящиеся в коже»¹⁸. Краска, заливающая лицо от стыда, или, придающая ему румянец весны, — все цвета прямо из сердца. От белоснежной бледности до пурпура огня.

Конечно же, нам стоило начать именно с этого; то есть, коль скоро мы действительно решили изучить «машину нашего тела», необходимо начинать с сердца: «Чтобы дать сначала общее представление обо всем механизме, который я буду описывать, я прежде всего скажу о том, что как бы главной пружиной и основанием всех его движений является теплота, имеющаяся в сердце, что вены — это трубки, проводящие кровь из всех частей тела к сердцу, чтобы поддерживать его теплоту»¹⁹. Следуя этим образам — линиям артерий и вен, мы отчетливо видим, как тело движется подобно потоку, буквально просачиваясь сквозь себя, превращаясь во множество влажных пор. Декарт размывает тело, вымывает его границы, но не в том смысле, что лишает тело определенности, совсем наоборот — он наводняет его смыслом, согревает теплом сердца, пульсирующим ритмом артерий: «Давно было известно, что в сердце теплоты больше, чем во всем остальном теле, и что кровь может быть разжижена теплотой, но я удивляюсь, что никто не признал разжижение крови причиной движения сердца. Аристотель, кажется, думал об этом, когда в 20-й главе книги о дыхании сказал: “Движение сердца похоже на действие жидкости, которую заставляет кипеть теплота”, а пульс объяснил тем, что “сок принятой пищи, входя в сердце, постоянно поднимает в нем кожу»²⁰.

Тело промеж вод, отраженное от водной глади и само ставшее поверхностью отражения: отсветы слепящего света на влажной коже, блестящие капли пота, мочи и крови — соленый вкус, будто окунулся в море. Амниотическая жидкость выплевывает тело, выплескивается вместе с ним, растворяясь слегка мутноватым остатком на коже.

Вода промеж тела, сквозь тело — сквозная рана тела, сведенного к ситу или множеству пчелиных сот, через которые сочится влага, позволяя сердцу отзываться устойчивым ритмом пульса. Вода промеж внутреннего и внешнего, в неразличимости потоков и сторон, в размытых очертаниях фигуры, словно смотришь сквозь пелену дождя, или на акварельный набросок: неясный контур, вскользь смятый каплей густой воды, насыщенный пасмурным цветом и смутным желанием творца.

Вода — промежуточное тела, подвешенного на волнах испарений. Тело, подобное «весьма изобильному водами источнику», истекающее слюной в ожидании пищи, кровью — в ожидании смерти. Декарт сравнивает тело человека с королевскими фонтанами, созданными по «прихоти устроивших все это инженеров»: «И поистине, мы вполне можем сравнить нервы машины [человеческого тела], которую я описываю вам, с трубами машин этих фонтанов; мускулы и сухожилия — с другими разнообразными двигателями и средствами, способствующими их движению; животные духи — с водою, которая ими движет, и источник ее — сердце, а полости мозга — орошающие устройства»²¹. На передний план здесь выходит гидравлика, законы движения и равновесия жидкостей внутри тела. Конечно, Декарт не был единственным, кто развивал подобную модель тела. В работе «Описание человеческого тела. Об образовании животного» он довольно часто ссылается на работу своего современника Уильяма Гарвея «Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных». Правда, эти ссылки чередуют похвалы вместе с критикой на грани отповеди, но то, что объединяет обоих ученых, — это именно гидравлическая модель тела. Впрочем, уже в 1603 году Фабриций д'Аквапенденте, у которого Гарвей обучался, говоря о движении крови и венозных клапанах ее регулирующих, использует метафоры машины, водян-

¹⁸ Декарт Р. Страсти души // Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 529.

¹⁹ Декарт Р. Описание человеческого тела. Об образовании животного // Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 425.

²⁰ Там же. С. 435.

²¹ Декарт Р. Человек. М., 2012. С. 17. Конечно, здесь в первую очередь важно сравнение на уровне машины, о чем мы будем говорить далее, но, столь же не случайна метафора фонтана и прочих водных устройств.

ной мельницы, плотины, резервуара. После смерти Декарта и, несомненно, под его влиянием метафора фонтана появляется также в работах главного королевского хирурга Пьера Диони: «Когда смотритель фонтанов хочет запустить один из них, он открывает кран соответствующей трубы, и фонтан тут же начинает действовать, хотя порой располагается в пяти сотнях шагов от резервуара. Мозг играет роль резервуара, нервы — труб, фонтаны напоминают мускулы, а смотритель фонтанов — это душа, которая ведаёт нервными протоками, по своей воле открывая и закрывая их так, чтобы духи перетекали в подчиненные ей мускулы»²².

Уже в одном из первых параграфов «Описания человеческого тела» Декарт, последовательно и методично, формулирует цель, которая, впрочем, более напоминает обещание пополам с залогом верности и надежды: «Я постараюсь объяснить машину нашего тела...»²³. Действительно, далее Декарт описывает тело человека так, как если бы речь шла о машине, классифицируя его анатомические составляющие, показывая своеобразие их функций, одним словом, — машинерию. «Машина нашего тела» или тело в своей буквальности, конкретное и функциональное. И не столько даже тело как машина, сколько машина тела — в единстве, если не орфографии, то смысла. Механизм как исключительный модус существования тела человека. Почти также начинается другой текст Декарта — «Человек», лишь недавно впервые опубликованный на русском языке. С той лишь разницей, что обещание здесь оборачивается гипотезой, вынесенной уже в самое начало второго абзаца: «Я предполагаю, что Тело есть не что иное, как некая статуя или машина, сделанная из земли»²⁴. Декарт двигается далее: «Все известны различные части человеческого тела. Все знают, что оно состоит из большого количества костей, мышц, нервов, вен, артерий и что, кроме того, в нем имеются сердце, мозг, печень, легкие и желудок. Всем случалось также видеть, как вскрывают различных животных; при этом можно было рассмотреть форму и расположение их внутренних органов, весьма

сходных с нашими. Для понимания этого трактата не требуется больших знаний по анатомии, так как постепенно, по мере необходимости, я буду объяснять все, что потребуется, более подробно»²⁵.

«Все известно», «все знают» и, конечно же, «всем случалось также видеть, как вскрывают различных животных» — эти настойчивые обращения Декарта ко «всем» напоминают анатомический кружок для посвященных — нас с вами, если мы открыли эту книгу, используя скальпель, вопреки принятой практике, лишь для разрезания страниц. Впрочем, Декарт спешит успокоить: не стоит бояться чрезмерности требований, как и того, что вам не хватит опыта или знаний, поскольку «для понимания этого трактата не требуется больших знаний по анатомии». Он всегда будет рядом с нами, он будет держать нас за руку, вести эту руку вдоль линий артерий и вен, прорисовывая анатомическую карту человеческого тела, и, «объясняя все, что потребуется».

Дедукция Декарта берет свое начало в анатомии, в хладном распоротом теле трупа, лежащего на столе анатома, «ибо анатомия не занимается целым и сплошным телом, но телом, поделенным на части и члены»²⁶. С этим подходом, предложенным в «Анатомической истории» (1600) Андре дю Лорана, полностью согласуется второе правило Декарта: «Делить каждую из рассматриваемых мною трудностей на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить»²⁷. Вот почему дедукция столь близка разложению, сечению плоти острием скальпеля. Деление на части позволяет определить составные элементы общей механики нашего тела: «механистическая терминология с ее рычагами, канатами, каналами, блоками и пружинами сопровождает постепенное схождение анатомов с одного уровня дробления на другой, в поисках конечного сегмента, части частей, начальной составной единицы»²⁸. Тело превращается в разборную мо-

²² Диони П. — Цит. по: История тела: в 3-х тт. Т. I: от Ренессанса до эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 250.

²³ Декарт Р. Описание человеческого тела. Об образовании животного // Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 424.

²⁴ Декарт Р. Человек. М., 2012. С. 6.

²⁵ Декарт Р. Описание человеческого тела. Об образовании животного // Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 424.

²⁶ Du Lorens A. — Цит по: История тела: в 3-х тт. Т. I: от Ренессанса до эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 249.

²⁷ Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 260.

²⁸ Мандресси Р. — Цит по: История тела: в 3-х тт. Т. I: от Ренессанса до эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 249.

дель, которую последовательно членят на части: от кожного покрова, через артерии, сосуды, вены, нервы, мышцы приходят к оголенной кости и возвращаются обратно, не выпуская скальпеля из рук. Порядок дискурса увязывается с сечением скальпеля, и линии разрезов переходят в графику письма; то же самое с чтением: вы читаете текст подобно тому, как

разглядываете фрагменты тела на анатомическом столе. Отсюда эти настойчивые «я желал бы, чтобы читателям показали...», раз за разом возникающие в текстах Декарта, с последующим движением вдоль артерий и вен сквозь все тело человека, словно бы мы находились пред распоротым телом, заглядывали внутрь развернутой груди.

Список литературы:

1. Гайнутдинов Т.Р. Картезианская купюра: проблема телесности в философии Декарта // Философия и культура. 2014. № 3. С. 329–338. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.3.10903).
2. Декарт Р. Из переписки 1643–1649 гг. // Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1994.
3. Декарт Р. Описание человеческого тела. Об образовании животного // Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
4. Декарт Р. Первоначала философии // Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
5. Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1994.
6. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
7. Декарт Р. Страсти души // Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
8. Декарт Р. Человек. М., 2012.
9. Задгер И. Эротика кожных и слизистых покровов и мышечной системы // Психология и психопатология кожи: тексты. Ижевск; М., 2011.
10. История тела: в 3-х тт. Т. I: от Ренессанса до эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
11. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999.
12. Нанси Ж.-Л. Corpus. М., 1999.
13. Фатенков А.Н. Экзистенциальные формы тела // Философия и культура. 2010. № 4. С. 16–20.

References (transliteration):

1. Gainutdinov T.R. Kartezianskaya kupyura: problema telesnosti v filosofii Dekarta // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 3. S. 329–338. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.3.10903).
2. Dekart R. Iz perepiski 1643–1649 gg. // Dekart R. Sochineniya v 2-kh tt. T. 2. M.: Mysl', 1994.
3. Dekart R. Opisanie chelovecheskogo tela. Ob obrazovanii zhivotnogo // Dekart R. Sochineniya v 2-kh tt. T. 1. M.: Mysl', 1989.
4. Dekart R. Pervonachala filosofii // Dekart R. Sochineniya v 2-kh tt. T. 1. M.: Mysl', 1989.
5. Dekart R. Razmyshleniya o pervoi filosofii, v koikh dokazyvaetsya sushchestvovanie Boga i razlichie mezhdru chelovecheskoi dushoi i telom // Dekart R. Sochineniya v 2-kh tt. T. 2. M.: Mysl', 1994.
6. Dekart R. Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravlyat' svoi razum i otyskivat' istinu v naukakh // Dekart R. Sochineniya v 2-kh tt. T. 1. M.: Mysl', 1989.
7. Dekart R. Strasti dushi // Dekart R. Sochineniya v 2-kh tt. T. 1. M.: Mysl', 1989.
8. Dekart R. Chelovek. M., 2012.
9. Zadger I. Erotika kozhnykh i slizistykh pokrovov i myshechnoi sistemy // Psikhologiya i psikhopatologiya kozhi: teksty. Izhevsk, M., 2011.
10. Istoriya tela: v 3-kh tt. T. I: ot Renessansa do epokhi Prosveshcheniya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.
11. Merlo-Ponti M. Fenomenologiya vospriyatiya. SPb., 1999.
12. Nansi Zh.-L. Corpus. M., 1999.
13. Fatenkov A.N. Ekzistentsial'nye formy tela // Filosofiya i kul'tura. 2010. № 4. S. 16–20.